

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Ю.П. Горелов, Н.Д. Ростов

Царский манифест от 27 января 1904 г. об объявлении войны Японии пришел в Сибирь с опозданием, поэтому призывные мероприятия проводились только с начала февраля 1904 г.¹ Указ касался и Сибирского военного округа и 5 уездов Казанского. Они вместе с Дальневосточным наместничеством мобилизовали 110 тысяч человек². С кадровыми подразделениями на фронт отправлялись и казачьи части, всего до 6 полков. Из государственного казначейства для призывной работы было выделено 700 тысяч рублей безвозвратной ссуды³. С первого дня мобилизации солдаты переводились на армейское довольствие. Однако призванные запасники могли его получать только со дня отъезда на фронт. Походным питанием также пользовались служащие местностей, объявленных на военном положении⁴. В связи с оборонными нуждами от призыва освобождались крестьянские начальники, сельские старосты, волостные старшины, писари, служащие золотопромышленных приисков и железных дорог⁵.

В Тобольской и Томской губерниях было мобилизовано 64486 человек в сухопутные войска и 489 человек на флот. Таким образом каждый второй солдат из 110 тысяч мобилизованных был из Западной Сибири (Томской, Тобольской губерний) и только каждый пятый - из Восточной Сибири⁶. Это объясняется тем, что в восточных регионах значительное число мужчин составляли местные аборигены, которые царским законом освобождались от военной службы.

Сибиряками комплектовалось более 70 процентов конницы, пехоты, флотских экипажей. Легендарный русский генерал А. И. Деникин - свидетель происходивших событий писал о сибирских частях, что на 80 процентов они состоят из крестьян - людей храбрых, сметливых, чрезвычайно выносливых, крайне неприхотливых и вполне дисциплинированных⁷. Общее представление о физическом состоянии новобранцев дают данные доктора И. Глезера, из которых следует, что большинство призывников имели рост от 165 до 175 сантиметров, вес от 59 до 74 килограммов. По степени упитанности они превосходили английских, австралийских,

японских военнослужащих и лишь незначительно уступали итальянцам⁸.

Сложность мобилизации была в том, что к началу войны полки были рассредоточены на огромной территории, где ощущался недостаток в транспортных средствах и коммуникациях. Некоторым частям для посадки в эшелоны приходилось проделывать многоверстовой пеший марш, а другим - долгое время дожидаться своей очереди. Так случилось с воинским пунктом Томского конного артиллерийского запаса штабс-капитана Щеголева, стоявшего в Мариинске. Он насчитывал 180 человек и 554 лошади. Аналогично добиралось 2 тысячи солдат, набранных вокруг Тобольска, Ирбита, Камышова, Ялуторовска, Тюмени⁹.

К началу февраля благодаря мобилизации резервные батальоны Томска, Тобольска, Омска, Иркутска, Верхнеудинска и других городов разворачивались до численности полков и один за другим готовились к отправке на фронт. Проводимая мобилизация потребовала напряженной работы как гражданских, так и военных органов управления. «Работать приходилось по целым дням, забывая частенько про обед», - отмечает участник этих событий. Первый день мобилизации застал в формируемом Барнаульском полку 579 старослужащих, из которых 234 чел. было в командировках, а 48 состояло казенною прислугою. В числе командированных находились и 32 унтер-офицера. С началом мобилизации было приостановлено обучение молодых солдат, продолженное с передачей их 9 февраля в сформированный запасной батальон¹⁰. Следует отметить очень высокие темпы развертывания полка. Первая партия запасных из Бийского уезда в числе 236 человек прибыла 8 февраля. 12 февраля явились из запаса 21 офицер, 3 врача, 1781 нижних чина, куплено лошадей 560, а 26 февраля в штаб 3-й пехотной дивизии было донесено о сформировании полка¹¹.

Одновременно с комплектованием рот и батальонов полка были сформированы предусмотренные мобилизационным расписанием отдельный резервный и запасной батальоны. 21 февраля отдельный батальон под командованием капитана Иванова в составе

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

10 офицеров, врача и 413 нижних чинов с комплектом боевых патронов выступил на станцию Обь для охраны железнодорожного пути. В феврале выступил из Барнаула и 8-й запасной батальон под командованием капитана Вахрушева¹². Аналогичные батальоны формировали и другие сибирские пехотные полки. Запасные батальоны были предназначены для военной подготовки и обучения запасных, ратников и новобранцев. Переменный состав запасных батальонов округа согласно мобилизационному расписанию № 18, укомплектовывался нижними чинами запаса только наполовину¹³.

Мобилизованных провожали духовенство, гражданские и военные власти. Например, в Кургане напутственные речи произносили протоиерей Волков, городской голова Шведов, воинский начальник Лещинский и другие. Новобранцев, переодетых в военную форму, благословляли иконой Николая Чудотворца, а затем под звуки государственного гимна и слезы родных ими заполняли вагоны¹⁴. Похожие события происходили и в других населенных пунктах¹⁵.

Из воззваний, расклеенных на видных местах, можно было узнать, что из Сибири вместе с солдатами на фронт уходили врачи, офицеры запаса, служащие земских управ, учебных заведений. Через неделю со дня выхода указа, т. е. 3 февраля, первые эшелоны двинулись на Порт-Артур¹⁶.

Перевозка войск шла согласно графику начальника военных сообщений генерал-майора Добрынина. В один вагон с правом на спальные места загружали до 36 человек. Предельное число людей, лошадей, грузов, разрешенных для эшелона, составляло 35 вагонов. Начальник состава по пути следования заранее предупреждал телеграфом все встречающиеся станции и питательные пункты. Заведующие пунктами на остановках не только кормили солдат, но и обеспечивали продовольствием их походные кухни. Для лошадей на станциях в Омске, Красноярске, Иннокентьевске, Мысовой, Чите, Маньчжурии и других имелись заранее заготовленные запасы овса и сена. В пути следования войскам запрещалось пользоваться нагревательными приборами. Очистку вагонов от навоза и мусора производили на длительных стоянках в специально отведенных местах¹⁷.

С середины февраля, согласно царскому указу, сибирские генерал-губернаторы на своих территориях ввели чрезвычайное положение¹⁸. Так, степной генерал-губернатор командующий Сибирским военным округом

Н.Н. Сухотин объявил, что в период войны нарушение общественного порядка наказывается трехмесячным арестом, а участники мятежей отдаются под военно-полевые суды. В свой край он запретил въезд подозрительным и неблагонадежным лицам¹⁹. По указам региональных властей в это же время гражданское население стали привлекать к обустройству потока мобилизованных войск. Для новобранцев готовилась пища, утеплялись вагоны, для борьбы с путевыми заносами загружался шанцевый инструмент. Для походных церквей поставлялись религиозная литература, ритуальные принадлежности и другое имущество. Проблемы санитарного благополучия передвигающихся войск сибирскими железнодорожниками обеспечивались за счет снабжения эшелонов дополнительными вагонами, прачечными и теплушками-банями²⁰.

Генерал А. Н. Куропаткин в марте 1904 г. по итогам мобилизации у себя в дневнике записал: «Сибирь несет тяжелые жертвы и несет безропотно. В три-четыре года - вторая мобилизация (имеется в виду война с Китаем). Кроме ста тысяч запасных, будут призваны четыре срока ратников ополчения. Все исполнят». И далее: «4-й Сибирский корпус готов к походу, но в офицерах еще большой некомплект. Нижние чины - народ здоровый, крупный, мрачный несколько. В бою будет хорош»²¹.

Значительные потери в войне заставили царское правительство в короткие сроки, уже через три месяца после первого призыва, второй раз провести мобилизацию в Сибири. При этом МВД, сглаживая региональные беспорядки, всякий раз предупреждало местные власти, что необходимо удовлетворять различные просьбы мобилизованных, создавать у них религиозно-нравственный настрой, сердечные условия для прощания с родными, а также своевременно выдавать им пищу.

Из 10 восточных губерний вторую полную мобилизацию смогли провести только в Западной Сибири. В очередной раз Тобольская, Томская губернии отправили на службу Отечеству около 30 тысяч солдат, что составило 80 процентов всех новых мобилизованных войск. Окончательно обескровив слабозаселенные регионы Сибири, правительство в затянувшейся войне остальные восемь мобилизаций с весны 1904 г. проводило теперь в других регионах России. Однако ни один из них так и не смог поставить такого количества солдат, сколько за две пер-

вых мобилизации выставили Томская и Тобольская губернии²².

Война требовала новых пополнений. На основании императорского указа правительствующему Сенату от 23 февраля 1904 г. и просьбы командующего Сибирским военным округом генерал-лейтенанта Н.Н. Сухотина на территории округа с 1 июня 1904 г. начался призыв ратников государственного ополчения. В сентябре 1905 г. штаб Сибирского военного округа сообщил: «При мобилизации войск... округа во время войны с Японией были призваны ратники государственного ополчения, из коих 21199 человек назначены на формирование 24 дружин государственного ополчения, 14560 - в запасные сибирские батальоны и 2882 - на сформирование 2-х обозных батальонов для 4-го Сибирского армейского корпуса»²³. Всего в Сибирском военном округе были сформированы 24 пешие дружины ополчения. В Барнауле была сформирована дружина государственного ополчения № 13. В Бийске и Змеиногорске дружина № 17. По штату 1894 г. они имели в своем составе обер-офицеров - 14, чиновников - 3, строевых нижних чинов - 957 и нестроевых - 26. С августа 1904 г. 17-я дружина заступила на охрану железной дороги в г. Ново-Николаевске²⁴. Смененные дружинами резервные и запасные сибирские батальоны вскоре были отправлены в действующую на Дальнем Востоке Маньчжурскую армию.

Из-за мобилизации, кроме людей, сибирские области лишались большого количества лошадей. Так, военный губернатор Забайкалья И.В. Холщевников доносил своему начальнику приамурскому генерал-губернатору, что, кроме 6801 человека, из области забрали на войну 17325 лошадей (т. е. по 3 лошади на человека)²⁵. Другой высокопоставленный чиновник Тобольский губернатор в этот период в МВД писал, что его 25264 человека явились на мобилизационные пункты вовремя. Из них 11725 человек зачислены в две дружины народного ополчения, которыми усиливаются охранные части Транссибирской магистрали. Вместе с тем большие сложности у него были с конской мобилизацией, последнюю удалось завершить в губернии только осенью 1904 года²⁶. Аналогичные сообщения поступали и из других мест²⁷.

В Сибири в связи с войной наблюдался ряд негативных явлений. Мобилизация отрицательно сказалась на медицинской региональной службе. Даже в старых лечебных центрах, Томске и Иркутске, возникла проблема кадров. Из этих городов на фронт за-

брали сразу 55 врачей. До войны они работали в городских клиниках, учебных заведениях, местных управах. Аналогичное оголение здравоохранения наблюдалось и в других местах, В результате повсеместно начались вспышки инфекционных заболеваний²⁸.

К весне 1905 г. из-за потерь лошадей в кровавых сражениях и тяжелых транспортных перевозках в армии стал ощущаться недостаток конского поголовья. Положение усугублялось и тем, что железная дорога была перегружена и прибывающего пополнения тягловой силы было недостаточно. В таких условиях военными и гражданскими региональными властями с конца мая 1905 г. была намечена очередная акция перегона около 7 тысяч лошадей передового артиллерийского запаса из СибВО на Дальний Восток. Используя опыт ямщиков, было решено осуществить перегон по Сибирскому почтовому тракту, взяв под особый контроль места переправ: мосты и паромы Чулыма, Енисея, Бирюсы и других. Планировалось делать ежедневные перегоны по 50 верст партиями до 400 лошадей с остановкой на ночлег в заранее намеченных селениях. За неделю до перегона в таких селах устроили склады с кормовым фуражом²⁹.

В целом на войну попало 6 сибирских корпусов, 36 регулярных и казачьих полков, а также 12 дополнительных пехотных полков из развернутых резервных батальонов³⁰.

Офицер Генерального штаба А.А. Игнатьев отметил высокий уровень подготовки мобилизованных из Сибири. «Число запасных в Маньчжурской армии достигало 70% ее общего состава», - особо подчеркивая, что «хорошими солдатами оказались только запасные 4-го Сибирского корпуса. Они дрались с присущим сибирякам упорством, считая, что защищают на войне свою родную Сибирь»³¹.

После Русско-японской войны по мобилизационным делам Сибирь была закреплена за несколькими военными округами. Первый - Омский, включал 4 губернии и области, поделенные на 28 уездов. Второй - Иркутский, имел столько же губерний и областей, но только 25 уездов. Остальная часть - весь Дальний Восток в составе Амурской, Камчатской, Сахалинской, Приморской областей, вошла в Приамурский военный округ³². Деление огромной территории на военные округа позволило более качественно и своевременно производить необходимые мобилизационные мероприятия с началом 1-й мировой войны.

Военные приготовления проходили в два этапа. Первый начался 16 июля 1914 г.: ты-

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

ловые округа переводились на подготовительный период к боевым действиям. Все лица и учреждения, отвечающие за мобилизацию, обязаны были быть готовыми к ее объявлению. Гражданские власти, воинские начальники, полицейские чины получили распоряжение определить мобилизационные пункты, усилить паспортный режим и работы по выявлению подозрительных лиц и шпионов. Администрации приказано было не допускать антиправительственных выступлений, а также срочно заняться ремонтом дорог, мостов, переправ³³. Второй этап наступил 18 июля, когда в Сибирь от имени царя пришла подписанная силовыми министрами (Сухомлиновым, Григоровичем, Максаковым) телеграмма, где объявлялось о переводе армии на военное положение и о дополнительном наборе (согласно мобплану 1910 г.) в войска людей и тягловой силы³⁴. За эту работу отвечали губернские управленческие отделения по делам о воинской повинности, наделенные царем значительными распределительными функциями³⁵.

Военная повинность в Сибири затрагивала не только государственных и военных чиновников, она обязывала работать на нужды обороны многих частников, служащих различных благотворительных организаций. Этими людьми организовывались мобилизационные сборы, медосмотры и распределение призывников по воинским частям.

Из числа призванных по разным причинам медосмотру подвергались только 70 процентов, из них годных к службе было признано 75 процентов, остальные получили различные отсрочки. На войну попал только каждый второй из намеченных к призыву. Из документов можно узнать, что основная масса призывников была забракована из-за болезни глаз, ушей, переломов, выявленных зобов и грыж. До 80 процентов годных к службе дали в основном сибирские казачьи области, где воинская повинность была обязательной составной частью жизни мужского населения³⁶.

Интересные сведения о мобилизации сибирского населения сохранились в Томском областном архиве. В Томске это мероприятие проводилось в субботу 19 июля с 6 часов утра. Всем призывникам работодатели к этому времени выдали расчет. На мобилизационных пунктах за выкуп людей освободили от гражданской одежды. Военными интендантами сапоги выкупались за 7 рублей, полушубки - за 6 рублей, рубахи и брюки оценивались в 50 копеек. Деньги от продажи

вещей поступали в военные части, куда призывали новобранцев.

Мобилизация в Сибири затрагивала разные слои населения, в том числе и представителей интеллигенции. В Томском университете было мобилизовано свыше 30 человек младшего медицинского состава. Большую часть призванных определили служить по врачебным специальностям в сибирские воинские части, Например, в качестве военных врачей: И.Р. Ломакин был направлен в 620-ю Томскую пешую дружину, В.Г. Шипачев - в Иркутский военный лазарет, П.Н. Сбросов {позже организатор советского здравоохранения} - в Томскую горную батарею, Н.В. Чулков - в 704-ю пешую Тобольскую дружину, Е.Г. Вертопрахов - во 2-й Амурский казачий полк, В.И. Зефиоров - во 2-й лазарет 11-й Сибирской стрелковой дивизии и т.д.³⁷.

В это же время объявил о мобилизации своих лечебных заведений и Российский Красный Крест. В его развернутых отрядах числилось свыше 4 тысяч медсестёр, способных обеспечить уход за 30 тысячами раненых и больных воинов. На местах, в том числе и в Сибири, было приказано организовывать дополнительные отряды³⁸.

По данным А.И. Гучкова, всего на театр войны в течение трех месяцев было направлено 3 госпиталя, 83 лазарета, 22 перевязочных отряда Красного Креста³⁹.

Сложной акцией для сибирских властей стали транспортные мобилизации. Для войск забирались тысячи подвод, сотни пароходов, десятки автомобилей. Выплаты владельцам делались согласно правительственным правилам 1912 г. Они учитывали пройденный километраж, износ транспортного средства⁴⁰. Вместе с тем автомобильная мобилизация в Сибири имела некоторые особенности. Она вступила в силу с 19 июля 1914 г. У населения изымали грузовые, легковые автомашины, мотоциклы и их прицепы. За качество автомобилей отвечали приемные комиссии из представителей Вооруженных сил, чиновников внутренних дел, служащих путей сообщения, Министерства финансов, местного самоуправления, членов Императорского автомобильного общества.

Технику и запасные части осматривали на специальных пунктах. Например, в Иркутске вместе с шоферами в армию после осмотров и дорожных испытаний забрали 8 автомобилей. Владельцам Ложникову, Бревкову, Полякову, Рубановичу и другим, в зависимости от стоимости и сроков эксплуатации машин, выдали вознаграждение от 5 до 6 ты-

сяч рублей⁴¹. В целом автомобильная мобилизация дала армии свыше четырёх тысяч автомобилей, однако из Сибири автомобилей поступило мало, так как на весь огромный регион перед войной было всего 30 автомашин⁴².

Мобилизационные решения царя поддержала Государственная дума, которая на заседании 26 июля 1914г. объявила полную поддержку правительству, а также взяла на себя обязательства по оказанию разнообразной помощи армии и семьям солдат в тылу⁴³.

Исходя из опыта Русско-японской войны, власти Сибири семьям многолетних служащих, уходящих на фронт, сохраняли большую часть окладов. Одиноким работникам выдавали двухмесячные пособия, а также гарантировали по возвращении с войны всем мобилизованным старые служебные должности⁴⁴.

Из-за войны в регионе повсеместно стремились экономить государственные средства. Своими циркулярами власти рекомендовали вместо ушедших на фронт не брать новых лиц, а их обязанности распределять на оставшихся работников, а также отказаться от передвижения чиновников на вышестоящие вакантные места. Оставшимся работникам они решили заморозить денежное содержание, запретить отпуска, лечебные пособия и другие расходы обычной жизни⁴⁵.

Мобилизованные повсеместно окружаются заботой сибирских отделений Красного Креста. Только в Барнауле в первые дни войны на нужды солдат эта организация собрала 300 пудов вещей и подарков. Среди них 853 кисета, наборы с табаком, чаем, сахаром. На некоторых кисетах руками школьниц были сделаны вышивки с пожеланиями благополучного возвращения домой⁴⁶. Аналогично поступили жители Верхнеудинска, которые осенью 1914 г. регулярно проводили сборы теплых вещей на нужды родной 5-й Верхнеудинской дивизии⁴⁷, а также инородцы Якутии, наладившие с помощью Красного Креста изготовление больших партий солдатского белья⁴⁸.

Пожертвования от населения поощрялись властями. Они нужны были потому, что из-за больших людских потерь мобилизации проводились по несколько раз в течение каждого военного года. Например, в декабре 1914г. забрали солдат старших возрастов, в январе 1915г.-офицеров и врачей до 55 лет, другие призывы повторялись в апреле, августе, и так ежегодно, до выхода России из мировой войны⁴⁹.

В патриотической работе на нужды мобилизации выделялось региональное духовенство разных религиозных конфессий. Раввины Сибири в первые дни войны собрали в синагогах свои общины и провели специальные моления и шествия о даровании победы русскому оружию. В августе солидные пожертвования евреев оказали серьезную поддержку семьям, уходящих на фронт воинов⁵⁰.

Православные священники не только организовывали помощь солдатским семьям, но одними из первых стремились попасть в армию. Так, настоятель Чулышманского монастыря из Бийска, отец Виктор, уже в сентябре 1914 г. уехал в Петроград с целью записаться добровольцем. Перед отъездом он заявил: «Я казак и не могу найти покоя, пока льётся русская кровь»⁵¹. Стефан Борисов, священник из инородцев, в это же время подал командующему Омским военным округом прошение с просьбой отправить его на Турецкий фронт. В своем письме он обещал создать из добровольцев-инородцев Бийского и Кузнецкого уездов специальный разведывательный отряд. Исправную службу он гарантировал тем, что его люди - с рождения отличные наездники, следопыты и разведчики⁵².

Особенно большая работа в период формирования и отправки на фронт сибирских частей легла на плечи военных, полицейских чинов, медиков, крестьянских начальников, служащих городских дум. Для проведения такой деятельности часть административных кадров, особенно из МВД, освобождались от воинского призыва. Представители полиции следили за своевременной трезвой мобилизацией, охраной казначейства, железнодорожных станций, мостов, речных пристаней и других стратегических объектов⁵³.

Вместе с полицейскими отсрочку получили чины переселенческих землеустроительных партий, многие вольнонаемные топографы и их помощники, работающие в отдельных местах Азиатской России⁵⁴. В целом мобилизация в Сибири прошла успешно, уложилась в намеченные сроки (две недели). Задержки призывников были только из-за плохих дорог, отлучек на охоту и сезонных работ на отдаленных таёжных приисках⁵⁵.

Вместе с тем мобилизация тягловой силы затянулась. Приемные комиссии по набору лошадей и транспортного инвентаря, состоящие из полицейских и военных офицеров, ветеринарных врачей, крестьянских начальников, проводили огромную работу по

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

строительству коновязей, палаточных городков, других временных сооружений. По мобилизационным планам эти люди обязаны были ежедневно осмотреть до 200 лошадей. Однако из жалоб полковых командиров следовало, что план постоянно срывался, так как крестьяне за взятки подсовывали в полки разбитые повозки, ветхую упряжь, недоброкачественных лошадей⁵⁶. Против таких хозяев комиссиям приходилось возбуждать уголовные дела. Особенно много таких нарушителей было в Красноярском уезде, где на первую декаду августа недокомплект лошадей для 8-й Сибирской дивизии составил 639 голов. Выход находили не только с помощью правоохранительных органов, но и за счет дополнительных мобилизаций в других уездах⁵⁷. К началу августа, уложившись в 20 дней, большая часть сибирских уездов закончила мобилизацию. Например, Ачинский, Минусинский и другие уезды поставили 14 тысяч человек. Они первыми подготовили к отправке полностью укомплектованный людьми и тягловой силой 32-й Сибирский стрелковый полк⁵⁸.

Лучше других провели конскую мобилизацию власти Забайкальской области. Такую повинность здесь несли 21800 домохозяев, давшие армии 20353 лошади. Причем 3953 верховых, артиллерийских, обозных коня поставили местные инородцы⁵⁹. Хуже других с такой работой справились в Иркутской и Енисейской губерниях⁶⁰. Здесь проблемы комплектования частей лошадьми сохранялись до конца войны. Недостаток в тягловой силе имелся даже в казачьих частях. Например, в январе 1916 г. в Красноярский отдельный казачий дивизион прибыли новобранцы Енисейской губернии, 43 из них не имели обмундирования, снаряжения, лошадей. Недостачу на сумму 3230 рублей командование решило взыскать с их родителей⁶¹.

Постоянные конские мобилизации в Сибири в течение всей войны были связаны с тем, что край издавна являлся центром экстенсивного коневодства. Росту табунов способствовали земельные просторы, изобилие пастбищ, необходимость в хозяйственной тягловой силе, заинтересованность военных в армейском резерве лошадей. По неполной переписи 1908 г. в регионе было выявлено свыше 3 млн. 850 тысяч лошадей. Сибирское хозяйство, по традиции объединявшее несколько родственных семей, имело в среднем 45 лошадей. Из них 60 процентов были рабочего возраста (старше 5 лет), маломерки - 22 процента, полномерки - 54 процента, рослые - свыше 25 процентов. Таким образом, 80

процентов лошадей были пригодны для несения воинской повинности. Однако постоянные изнурительные военные транспортные перевозки более чем на 300 тысяч голов ежегодно сокращали поголовье лошадей и тем самым способствовали упадку крестьянских хозяйств⁶².

Перед уходом на фронт сибирским полкам зачитывались указы о поведении солдат на полях сражений. Исходя из международных конвенций и постановлений (Парижской 1856 г.; Петроградской 1868 г.; Женевской 1906 г.; Гаагской 1907 г. и др.), запрещалось применять отравляющие вещества, разрывные пули, издеваться над мирным населением, военнопленными и ранеными. Военным рекомендовалось бережно относиться к зданиям религиозных культов, медицинским и благотворительным учреждениям, историческим памятникам, а при захвате территории врага считать себя только временными управляющими чужой собственностью и т.д.⁶³.

Полк, уходящий на фронт, имел 3500 штыков, команду для obsługi, 8 пулеметов, роту связи и другие необходимые службы. После молитв и напутствий духовенства, военных и гражданских чинов перед именными знаменами и иконами солдаты под звуки полкового оркестра стройными колоннами шли на вокзалы⁶⁴.

О том, как провожала Сибирь своих сыновей, рассказывают материалы Читинского областного архива. Например, в небольшом Нерчинске местные попечители устроили офицерам праздничный обед, на котором на оборонные нужды собрали 360 рублей. Нижним чинам в вагоны передали ящик сахара, каждому - по белой булке, и в день отправки организовали для них бесплатный мясной обед⁶⁵. В целом со 2 августа 1914 г. по 1 сентября 1915 г. в развернутых питательных пунктах Сибирской железной дороги, по отчетным данным Иркутского губернского правления, горячее питание получили свыше 660 тысяч проезжающих на фронт новобранцев⁶⁶.

Осенью 1914 г. сибирским городам царем было дано право самостоятельно изготавливать, по образцам Крымской войны, отличительные стяги для ополченских отрядов, уходящих в бой. Городская дума Барнаула пошила знамена сразу четырем своим дружинам (№ 617, 618, 619, 626), выделив на эти цели 400 рублей⁶⁷, Городская дума Новоиколаевска - трем (№ 615, 616, 707)⁶⁸, Томская - четырем (№ 614, 627, 628, 708), а также выделила средства на пошив знамени дружине г. Мариинска (№ 613). Стяги зеленоватого

цвета с изображениями православных крестов и слов «За веру, царя и Отечество» заказывали в местных мастерских, а также в Москве в фирме Оловянишкова по цене 150 рублей за каждый флаг. Аналогично поступали и в других городах Сибири⁶⁹.

Мобилизация выявила много проблем. Особенно доставало медиков. В сибирские полки, несмотря на гарантированные царем отсрочки, стали направлять студентов-выпускников Томского университета. Ученый совет на своих заседаниях постановил: всех студентов, призванных зауряд-врачами 1-го разряда, срочно удостоивать дипломами без экзаменов⁷⁰. Военские начальники по мобилизации безобразно отнеслись к унтер-офицерскому составу. В ротах ими заполнили до 50 процентов мест рядовых. Вскоре эти кадры погибли в боях, а их места заняли недоученные новобранцы⁷¹. Решая эту проблему, военные власти в окружных столицах (Омске и Иркутске) срочно открыли школы по подготовке унтер-офицеров и прапорщиков⁷².

В 1914 г., впервые в истории России, была проведена трезвая мобилизация. По требованию общественности и Государственной думы, (несмотря на то, что казна теряла до 1 млрд спиртовых сборов), - правительство закрыло все кабаки. В стране запретили продажу водки, вина, пива и т. д.⁷³. По опросу газеты «Русское слово», на основе сведений из крупнейших городов, трезвая мобилизация прошла на довольно высоком уровне. По сравнению с довоенным периодом были достигнуты небывалые результаты. В дни мобилизации в два раза сократились кражи, единичными были случаи хулиганства, убийства, насилия, практически не зафиксировано уличное пьянство. Справки из Сибири указывали аналогичные показатели. В крае пустовали арестантские избы и приюты алкоголиков, на производстве сократились прогулы, единичными стали вызовы «скорой помощи». Сибирские власти отмечали, что эта кампания дала положительные результаты⁷⁴.

По мнению исследователя этой войны Н. Яковлева, цифры проведенной мобилизации впечатляли: явилось 96 процентов призывников, что было на 10 процентов больше явки довоенного времени⁷⁵.

Патриотизм населения сказывался во всем. Он не зависел ни от пола, ни от возраста. Вместе с солдатами на фронт тайно уезжали и сибирские подростки. После задержания их отдавали на постой благонадежным лицам. За счет полиции подростков обеспе-

чивали одеждой и питанием, а после наведения справок возвращали к родителям⁷⁶.

Сибирским властям приходилось сталкиваться и с другими проблемами, в том числе разного рода преступлениями и мошенничеством. Например, в Иркутске была разоблачена банда с участием полицейских В военных эшелонах стражи порядка торговали наркотиками, а уклоняющихся от службы обеспечивали фальшивыми документами⁷⁷. На станциях Нижнеудинска и Тулуна власти боролись со спекулятивной спиртной торговлей, на других из-за массовых побегов дезертиров стоянки эшелонов вынуждены были охранять полицейскими нарядами⁷⁸. Из более чем 1 млн сибирских мобилизованных 55 процентов составляли выходцы из Западной и 45 процентов - из Восточной Сибири. Значительная разница в процентах мобилизации объясняется преобладанием русского населения в Западной и аборигенов в Восточной Сибири, которые, как и в Русско-японскую войну, были освобождены от воинской повинности. Губернии и области Западной Сибири (Акмолинская, Томская, Алтайский край) по цифрам мобилизации превосходили не только Восточную Сибирь, но и ряд губерний Центральной России.

При регулярных мобилизациях властям понадобилась помощь спортивных организаций. В 1915 г. появилось всероссийское «Положение о мобилизации спорта», подписанное царским главноуполномоченным по делам физической культуры генерал-майором В.Н. Воейковым. Из сибирской прессы можно было узнать, что главная задача физкультурных работников заключалась в проведении допризывной военной и спортивной подготовки лиц, идущих на войну. Новобранцы, прошедшие такую подготовку, имели некоторые льготы, право преимущественного зачисления в различные учебные команды и офицерские школы, а также специальные удостоверения на организацию физкультурной работы в боевых частях⁷⁹.

По воспоминаниям участника войны, писателя В.В. Вишневого, 5500 эшелонов везли армию к границам империи. Они двигались с утяжеленным, громоздким имуществом. Каждая русская дивизия нуждалась в 60 эшелонах, тогда как немецкая - в 30. Подчиняясь приказам, путейцы в первую очередь старались пропустить военные эшелоны. Лучше других с перевозками справлялась сибирская магистраль, за что не один раз железнодорожники получали благодарность от царских властей. Но измученные долгой до-

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ МОБИЛИЗАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРИ В ВОЙНАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

рогой сибирские части, высаженные у границ Галиции и Пруссии, так и не нашли там ни развернутых продовольственных баз, ни вспомогательных и санитарных служб и, лишённые добротных тылов, оказались в тяжелейших условиях. Дороги, по которым нужно было двигаться навстречу врагу, требовали до 90 подвод на каждую тысячу штыков (немецким солдатам - 60 подвод): пути были плохо благоустроены и нуждались в основательном ремонте, к чему армейские инженерные и интендантские службы оказались не готовы⁸⁰.

Мобилизация дала России 114 дивизий; из них 94 были направлены на Германский и Австрийский фронты. Враг выставил против русских 20 немецких и 46 австрийских дивизий. При численном превосходстве Россия уступала противнику в огневой мощи⁸¹. Численность русской армии с 1,4 млн была доведена до 6,6 млн человек, где каждый пятый солдат был крестьянином из Сибири (1 млн 200 тысяч человек, что составляло 12 процентов населения края, или 50 процентов трудоспособного населения)⁸².

Каждое седьмое воинское формирование, принимавшее участие в войне, было из Сибири. Сибирских частей было вдвое больше кавказских, втрое - туркестанских и в семь раз - финляндских. Такую особенность можно объяснить тем, что сибирские части формировались по обязательной воинской повинности, введенной для давно осевшего в регионе русского населения. В других окраинных регионах русского населения было гораздо меньше, а местные национальности в большинстве своем освобождались от военной службы или привлекались в армию только на земляные или строительные работы.

Мобилизация вскрыла и показала большое количество проблем: плохой учет воинских кадров, слабость армейской госпитальной базы, наличие устаревшей разведывательной документации, отсталость интендантской службы, нехватка транспортных средств и благоустроенных дорог. Все это сказалось на Российской армии и стало причиной ее поражения на начальных этапах войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. ПСЗРИ. Т. 24. Отд. 1. № 23936. С. 78; Сибирский листок. 1904. 5 февр.; Семипалатинские областные ведомости. 1904. 21 февр.; ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 347. Л. 1.
2. Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1922. Т. 2. С. 110.
3. Сибирский листок. 1904. 15 февр.; Там же. 22 февр.

4. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 347. Л. 91.
5. Там же. Л. 90.
6. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1675. Л. 65-69.
7. Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 90, 94.
8. Глезер И. Физическое состояние допризывников 1903-1904 гг. // Научный сборник. Теория и практика физкультуры. М., 1925. С. 40.
9. ГАКО. Одф. Ф.-22. Оп. 1. Д. 379. Л. 63-65; Сибирский листок. 1904. 12 февр.; Там же. 15 февр.
10. Соколовский М.К. Исторический очерк бывшего 12-го пехотного Сибирского резервного Барнаульского полка, ныне вошедшего в состав 44-го Сибирского стрелкового полка. 1711-1911. Барнаул. 1911. С. 105.
11. Там же. С. 106.
12. Там же
13. РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 728. ЛЛ. 1-1 об.
14. Сибирский листок. 1904. 22 февр.
15. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 841. ЛЛ. 11-12.
16. ПСЗРИ. Т. 24. Отд. 1. № 23940. С. 82; Семипалатинские областные ведомости. 1904. 1 февр.; Там же. 3 февр.; Там же. 7 февр.
17. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 841. Л. 332.
18. ПСЗРИ. Т. 24. Отд. 1. № 24064. С. 151.
19. Семипалатинские областные ведомости. 1904. 27 февр.
20. Сибирский листок. 1904. 19 февр.; Сибирская жизнь 1904. 17 июль; Буланов А. В. О русском православном воинстве // Воинский подвиг защитников Отечества: Мат-лы науч. конф. Ч. 1. Вологда, 2000. С. 88.
21. Дневник А. Н. Куропаткина // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 95.
22. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 1675. ЛЛ. 61-97.
23. РГВИА. Ф. 400. Оп. 6. Д. 456. Л. 35.
24. Баяндин В.И. Государственное ополчение в Сибири в годы Русско-японской войны и первой российской революции (1904-1906 гг.) // Революция и общественное движение в Сибири в XIX – нач. XX вв. Новосибирск, 1986. С. 99-100.
25. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4288. ЛЛ. 8; РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 90. ЛЛ. 7.
26. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 72. ЛЛ. 5-6.
27. Там же. Д. 92. ЛЛ. 7.
28. Сибирский листок. 1904. 8 апр.
29. ГАКК. Ф. 595. Оп. 38. Д. 971. ЛЛ. 27-30.
30. Ростов Н.Д. Вы верой и правдой служили России // Бюллетень академии военно-исторических наук. СПб. 2001. №3. С. 60, 63.
31. Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М. 1986. С. 206.
32. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3043. Л. 52; ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 576. ЛЛ. 14-15
33. ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 4165. Л. 4.
34. Там же. Л. 8. РГВИА. Ф. 970. Оп. 3. Д. 1891. ЛЛ. 1-2
35. ПСЗРИ. Т. 34. Отд. 1. №42034. С. 636-639, ГАТО. Ф. 3. Оп. 81. Д. 12. Л. 12.
36. Приложение к всеподданнейшему отчету военного губернатора Амурской области за 1914 г. Благовещенск, 1915. Л. 231 об.
37. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 664. ЛЛ. 2, 6, 47.

38. Жизнь Алтая. 1914. 26 июл.
 39. ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 404. Л. 1.
 40. ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 4165. Л. 95; ГАВО.
 Ф.34. Оп. 1. Д. 3047. Л. 37. Д. 3044. Л. 39, Д. 3058.
 Л. 1.
 41. ГАИО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 106. ЛЛ. 21, 69.
 42. Гоголев Л. Д. Автомобили - солдаты. М.
 1990. С. 12; ССЭ. Т. 1. Стб. 10.
 43. Оранжевая книга: Сборник дипломатиче-
 ских документов. С. 29-30.
 44. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 14. Л. 33; ГАИО.
 Ф. 171. Оп. 1. Д. 508. Л. 160.
 45. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 504. Л. 9.
 46. Жизнь Алтая. 1914. 7 окт
 47. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 74; Отчет
 Верхнеудинского местного отдела, состоящего под
 Высочайшим Его Императорского Величества по-
 кровительством Общества повсеместной помощи
 пострадавшим на войне солдатам и их семьям за
 1914г. Верхнеудинск. 1915. С. 14-15.
 48. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 20. Л. 11.
 49. ГАТО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 664. Л. 27, 31, 37 и др.
 50. Жилкин И. Провинциальное обозрение //
 Вестник Европы. 1914. № 9. С. 335.
 51. Жизнь Алтая. 1914. 25 сент.
 52. Там же. 14 дек.
 53. ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 4165. ЛЛ. 14, 15,
 17, 18, 26, 34 и др.
 54. ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 504. Л. 2.
 55. ГАКК. Ф. 595. Оп. 50. Д. 4165. ЛЛ. 62, 103.
 56. Там же. ЛЛ. 46, 49, 51, 60, 154.
 57. Там же. ЛЛ. 68, 69, 80, 83, 133.
 58. Там же. ЛЛ. 120, 185, 197; Д. 4615 Л. 144.
 59. РГИА. Ф. 1284. Оп. 194. Д. 41. Л. 12.
 60. Шашков В. И. Политические настроения
 сибирского крестьянства в годы Первой мировой
 войны (июль 1914 - февраль 1917 гг.). Автореф.
 дисс. канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 29.
 61. ГАКК. Ф. 595. Оп. 48. Д. 1146. ЛЛ. 1-6.
 62. ССЭ. Т. 2. Стб. 919-920.
 63. Хроника. Иностранное обозрение // Вест-
 ник Европы. 1914. № 9. С. 361; Слонимский Л. Ме-
 ждународное право и милитаризм // Вестник Евро-
 пы. 1915, № 8. С. 325-331 и др.
 64. Яковлев Н. 1 августа 1914. С. 25.
 65. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14981. Л. 81.
 66. ГАИО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 580. Л. 143.
 67. ЦХАФАК. Ф. 51. Оп. 1. Д. 14. Л. 61.
 68. Новосибирск 100 лет. Новосибирск, 1993.
 С. 93.
 69. ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2969. ЛЛ. 23, 317.
 70. Жизнь Алтая. 1914. 25 сент; ГАКК. Ф. 595.
 Оп. 50. Д. 4165. Л. 107.
 71. Деникин А.И. Путь русского офицера. С.
 270.
 72. ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 155. Л. 32.
 73. Кузьмин-Караваев В.Д. Вопросы внутрен-
 ней жизни // Вестник Европы. 1914. №9. С. 373.
 74. Жилкин И. Провинциальное обозрение //
 Вестник Европы. 1914. № 9. С. 339-242.
 75. Яковлев Н. 1 августа 1914. С. 28.
 76. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5282. Л. 51-53.
 77. ГАИО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 168. Л. 17.
 78. Там же. Д. 155. Л. 1; ГАЧО. Ф. 1. Оп. 1. Д.
 10416. Л. 2.
 79. Забайкальские областные ведомости.
 1916. 4 март. (Положение о мобилизации спорта).
 80. Вишневский В.В. Война // Первая миро-
 вая. История отечества в романах, повестях, до-
 кументах. Век XX. М.1989. С. 374-376. Свечин А.
 Эволюция военного искусства. Т. 2. 1928. С. 552.
 81. Яковлев Н. 1 августа 1914. С. 43; РГВИА.
 Ф. 970. Оп. 3. Д. 2077. ЛЛ. 11-12.
 82. История Сибири / Под ред. А.П. Окладни-
 кова. Т. 3. Л.1968. С.440.